

ЗАВТРАК НА РУИНАХ

Майкл Муркок

Энгасу Уилсону с величайшим уважением

ГЛАВА ПЕРВАЯ В ИСПАНСКОМ САДУ. 1971: АЛЫЙ ГРЕХ.

Приток эмигрантов из стран Британского содружества снизился в апреле на 22 процента. В этом году их было 1991, в апреле прошлого года миграционные службы зарегистрировали 2560 человек.

«Гардиан» 25 июня 1971 года.

Каждый раз, когда Карла Глогауэра охватывали сомнения, он представлял себе, как возвращается к Дерри и Томсу. Карл закрывает глаза и видит: вот он идет вниз по Кенсингтон-Черч-стрит, залитой летним солнцем, идет, не обращая внимания на лавочки и магазины колониальных товаров. Вот он, наконец, выходит на Хай-стрит. Он проходит мимо первого из трех громадных магазинов, стоящих бок о бок: строгих, вечных и незыблемо изобильных, возносящихся к лондонскому небу. Карл представляет: вот он входит через высокие стеклянные врата второго магазина — магазина Дерри, самой большой и самой величественной из трех цитаделей.

Он идет мимо ярких прилавков, заполненных шляпами, шелками и бумажными цветами. Потом он подходит к лифтам с бронзовыми украшениями в стиле позднего модерна. Лифт уносит его на третий этаж — маленькое путешествие во времени, ибо на третьем этаже царит *art deco* и пастельные скульптуры в стиле Кунара. Карл стоит и любуется ими в ожидании другого, особого лифта, который унесет его наверх, в рай испанского сада.

Двери лифта раздвигаются, открывая взору нечто вроде маленькой консерватории, в которой стоят две симпатичные леди средних лет. Они приветствуют вновь прибывших и, если нужно, продают им полотенца для чая, почтовые открытки и путеводители. Карл представляет: вот он дает одной из этих леди шиллинг, а затем вступает в испанский сад — мир журчащих фонтанов, ухоженных экзотических растений и цветов. У Карла здесь есть излюбленное место: скамейка около центрального фонтана. Если скамейка занята, Карл некоторое время ходит взад-вперед по саду, дожидаясь, пока она освободится, затем

садится, открывает книгу и делает вид, что читает. Стена за его спиной уставлена большими клетками. Иногда эти клетки совершенно пусты, но порой в них живут несколько попугаев, канареек, какаду, райских птиц или других пернатых диких. Время от времени в саду появляются розовые фламинго; они неуклюже вышагивают среди растений, то и дело заходя в крохотные искусственные потоки. Птицы здесь, как правило, молчаливы, даже мрачны, почти не реагируют на двух леди средних лет, которые норовят подойти к птицам и начать ворковать с ними патетическими голосами, в которых сквозит безнадежность.

Если на улице солнечно и тепло, посетителей в саду немного. Карл просидит на этой скамейке или почти все утро, до ленча, или несколько часов — до вечернего чая, который он выпьет здесь же, в небольшом ресторанчике под застекленной крышей магазина Дерри. Все официантки уже знают его и улыбаются при встрече. В душе они не перестают гадать, что в испанском саду так привлекает хрупкого юношу в потертой твидовой куртке. Карл видит, как их мучает этот вопрос; это доставляет ему удовольствие.

Сам Карл знает, почему ему нравится приходить сюда. Во в сем Лондоне это единственное место, где он может обрести мир, сравнимый с безмятежностью раннего детства, — безмятежность неведения (или «невинности», как он сам предпочитает это называть). Карл родился, когда разразилась война, но ему почему-то кажется, что раннее детство его пришлось на середину тридцатых годов. Лишь позднее Карл придет к пониманию, что эта безмятежность, этот мир не были безмятежностью и миром в прямом смысле слова, но, скорее, ощущением стабильности, вернее, квазистабильности — уникальное порождение уходящего в прошлое среднего класса, неподражаемое искусство выдавать вульгарное за хороший вкус. Несколько таких островков уходящего прошлого сохранились и вне Лондона. Ту же самую атмосферу Карлу довелось обнаружить в чайных садиках Суррея и Сассекса, в пригородных парках Доркинга, Хува и в Хейуордс Хит. Все эти уголки появились в двадцатые-тридцатые годы. Они были созданы тем же средним классом для среднего класса, считавшего удобство в сочетании с риторным изяществом и причудливостью синонимичным понятию «красота». Карл прекрасно понимал, что побуждение, столь часто заставляющее его посещать этот сад под застекленной крышей, свидетельствовало

о желании вернуться в детство и в то же время о стремлении уйти от действительности. Карл принимал это в себе. Он даже находил ироническое утешение в том, что по сравнению с коллекционированием детских книг и игрушечных солдатиков посещения испанского сада обходились ему куда дешевле. Уже давно Карл не предпринимал никаких серьезных попыток избавиться от этих неподобающих мужчине привычек. Он был их рабом. В той же мере, в какой был рабом детских страхов своей матери — множества всевозможных страхов, которыми ей удалось заполнить его собственное детство.

Сидя на своем обычном месте теплым июньским днем 1971 года и размышляя о собственном детстве, Карл задался вопросом: а не был ли его небольшой творческий дар следствием полученного им странного воспитания? Ныне многие связывают отклонения от нормы с творческим даром. Возможно, в силу своей чувствительности он был необычайно восприимчив к влиянию своей матери. Не исключено, что подобное влияние и в самом деле могло замедлить развитие его таланта. Карлу не понравился ход его мыслей. Если мыслить в этом направлении и дальше, можно необратимо разрушить очарование этого сада. Карл улыбнулся сам себе и откинулся на спинку скамейки, глубоко вдыхая тяжелый аромат львиного зева и тюльпанов. Карлу всегда казалось, что запах этих цветов погружает его в спасительный туман самообмана — в то, что он сам для себя определял словом «самопознание». Запрокинув голову, Карл смотрел в чистое голубое небо за застекленной крышей. Чуть-чуть фантазии — и шум уличного движения далеко внизу превращается в жужжание насекомых летом в саду на природе. Где-нибудь в саду, в сельской местности, давным-давно...

Карл еще больше откинулся на спинку скамейки. Ему не хотелось думать о матери, о своем детстве — таком, каким оно было на самом деле, о собственной заурядности. Карл фантазировал: он красивый молодой аристократ времен Регентства. Устав от дикого Лондона с его политиками, игорными домами, дуэлями и женщинами, он только что вернулся в свое поместье в Сомерсете, где его встречает нежная юная жена. В свое время он женился на молоденькой девушке родом из этих краев, дочери старомодного эсквайра. Сейчас она вне себя от радости от того, что муж наконец вернулся, ибо души в нем не чает. Никогда ей не приходило в голову критиковать его образ жизни. Смысл жизни она видит

для себя лишь в том, чтобы приносить ему удовольствие. Как ее имя? Эмма? Софи? Или что-нибудь более эллинизированное?

Грезы Карла только-только начали оформляться в полномасштабную фантазию, когда внезапно были прерваны.

— Добрый день.

Голос был низкий, сочный и слегка смущенный. Карл открыл глаза.

Первое, что увидел Карл, — лицо, совсем рядом с его собственным. Черное и лоснящееся, как отполированное столетиями эбеновое дерево. На лице было забавное выражение — лукаво-смущенное.

— Вы не возражаете, если я присяду на вашу скамейку?

Высокий черный мужчина решительно утвердил свой зад рядом с Карлом, не дожидаясь разрешения.

Раздраженный нарушением своего покоя, Карл сделал вид, что всецело поглощен каменными плитками, которыми был вымощен сад. Карл не выносил людей, которые пытались здесь с ним заговорить, тем более, если эти люди вторгались в его грезы.

— Конечно, — ответил он. — Я все равно ухожу.

Это был его обычный ответ. Он оправил потрепанный рукав своей куртки.

— Я знакомлюсь с Лондоном, — сказал чернокожий.

На незнакомце был легкий, исключительно элегантный костюм: серый с сербристой искоркой. Шелк, подумал Карл. Бросалось в глаза, что все на этом человеке было очень дорогое — и одежда, и украшения. Богатый американский турист, подумал Карл (он совершенно не разбирался в акцентах).

— Я не ожидал найти место, подобное этому, в центре вашего города, — продолжал тем временем незнакомец. — Увидел знак и попал сюда. Вам здесь нравится?

Карл пожал плечами. Незнакомец засмеялся и снял колпачок со своего «роллифлекса».

— Я могу вас здесь сфотографировать?

Теперь Карл растерялся по-настоящему. До сих пор никто не изъявлял желания его фотографировать. Охвативший Карла гнев начал испаряться.

— Это сделает фотографию жизненной. Докажет, что я фотографировал сам. В противном случае я мог попросту купить почтовую открытку, правда ведь?

Карл поднялся, намереваясь уйти. Но, похоже, негр истолковал это движение по-своему.

— Вы ведь лондонец, не правда ли?

Он улыбнулся. Глубоко посаженные глаза изучающе вглядывались в лицо Карла. На мгновение Карл задумался: а нет ли в заданном вопросе какого-то доп.полнительного смысла, который он не улавливает?

— Да, я лондонец, — Карл нахмурился.

Казалось, только теперь элегантный негр понял, что Карлу неприятно.

— Простите, если я навязываюсь... — начал он.

Карл снова пожал плечами.

— Это займет всего лишь секунду. Я спросил, лондонец ли вы, оттого, что не хотел ошибиться. Вы понимаете, как это бывает. Фотографируешь типичного англичанина, а потом выясняется, что он француз или что-нибудь в том же роде! — он весело рассмеялся. — Ведь вы меня понимаете?

Карлу не очень понравилось слово «типичный», но обаяние незнакомца обезоруживало. Он улыбнулся. Чернокожий встал, положил руку Карлу на плечо и мягко повел его к фонтану.

— Если бы вы соблаговолили присесть сюда, на краешек, на миг...

Незнакомец отступил назад, глядя в видеокамеру, широко расставив свои длинные ноги, едва не наступив на цветочную клумбу; а затем, наклоняясь и так, и сяк, сделал целую серию фотографий. Карл был смущен. Он чувствовал странность ситуации, но никак не мог определить, в чем же она заключается. Казалось, что ритуал фотографирования был внешним проявлением какого-то другого, более глубинного ритуала. Надо уходить. Даже щелканье и жужжание камеры, казалось, имело какой-то особый, тайный смысл.

— Великолепно, — фотограф опустил аппарат и, подняв голову и прищурившись, посмотрел вверх, на солнце. — Да, вот еще. Я из Нигерии, здесь — на несколько дней, проездом. К несчастью, это в большей степени деловой визит, нежели развлекательная поездка. Я тут затем, чтобы согласовать с вашим правительством новые цены на нашу медь. А вы чем занимаетесь?

Карл махнул рукой.

— Да ничем особенным. Послушайте, я должен...

— Вот те раз! А мне казалось, что человек с таким интересным лицом, как у вас, и заниматься должен чем-то особенным.

— Я художник. Точнее, иллюстратор.

Карл опять ощутил растерянность, вызванную вниманием незнакомца к собственной персоне. У него на мгновение возникло желание рассказать незнакомцу все, что тот хотел знать, — может быть даже рассказать больше. Он чувст-

вовал, что у него очень глупый вид.

— О-ля-ля! Художник! Очень хорошо. А что вы рисуете?

— Зарабатываю главным образом тем, что рисую мундиры. Есть люди, которые собирают подобные иллюстрации. В общем, это узкоспециальное. Иной раз выполняю заказы чудаковатых отставников. Знаменитые битвы и прочее. Вы понимаете...

— Стало быть, вы не последователь авангарда? Собственно, я должен был предположить это с самого начала. У вас слишком короткие волосы. Ха-ха! Стало быть, никакого кубизма, никакого аксьона, так? — нигериец убрал фотоаппарат в футляр. — Значит, никаких там «ка как мне надо встать, чтобы смотреть на это?».

Наконец-то, впервые за время разговора, Карл от души рассмеялся. Частично его развеселило несколько ветхозаветное представление незнакомца об авангарде, а частично — то, что нигериец в общем-то точно описал то, чем Карл тешился в свободное время. Кроме того, Карлу было приятно одобрение незнакомцем его скрытой деятельности.

— Значит, не революционер, — проговорил незнакомец, делая шаг к Карлу, — значит, как говорится, комильфо, респектабельный на все сто?

— Ну, вряд ли на все сто! Где такого найдешь?

— Да уж, в самом деле, где такого найдешь? Как насчет чая? — чернокожий взял Карла за руку, быстро и рассеянно оглядел с ног до головы. — Как я понимаю, здесь имеется кафе.

— Ресторан. С другой стороны.

— Ну, как насчет ресторана?

— Не знаю... — Карл вздрогнул. Никогда прежде прикосновения незнакомцев не заставляли его вздрагивать. — Я не уверен...

Обычно в таких ситуациях он быстро уходил. С другой стороны, что мешает ему быть невежливым с человеком, который столь грубо нарушил его покой?

— Вы должны выпить со мной чаю, — незнакомец чуть сильнее сжал руку Карла. — Вы ведь уделите мне чуток вашего времени? Мне редко выпадает случай найти друзей в Лондоне.

Теперь Карл чувствовал себя виноватым. Он вспомнил совет своей матери. Хороший совет. Как раз подходящий. Никогда не иметь дела с людьми, которые заставляют тебя чувствовать себя виноватым. Уж мать-то знала, что говорит! Но в данном случае совет явно не работал. Карлу не хотелось разочаровать нигерийца. Внезапно тело наполнилось слабостью. И странное ощущение в об-

ласти желудка, которое отнюдь не было неприятным.

Они прошли через Тюдор-гарден, а затем под арку, которая вела в Вудланд-гарден. Там был ресторан с полукруглой застекленной верандой. Сквозь стекла веранды виднелись белые металлические столы и кресла. Сегодня в ресторане было очень много посетителей. Небольшие компании женщин отдыхали здесь после посещения магазинов, перекусывая датскими кексами и сэндвичами с огурцами. Мужчин почти не было, если не считать двух благодушных пожилых то ли отцов, то ли мужей — видимо, обладателей чековых книжек. Карл и его новый друг вошли в ресторан и заняли столик в дальнем конце возле окна, выходящего на лужайку со старыми ивами, нависшими над миниатюрным потоком, сквозь который был переброшен столь же миниатюрный деревянный мостик.

— Я думаю, меню лучше выбрать вам, — сказал нигериец. — Я плохо разбираюсь в английской кухне.

И он снова тепло улыбнулся.

Карл взял меню со стола.

— Тогда лучше как обычно, — отозвался Карл, — сэндвичи и пирожные.

— Очень хорошо, — ответил незнакомца был рассеян и беззаботен. У Карла создалось впечатление, что, прикрываясь изысканными манерами, нигериец думает отнюдь не о меню, а о куда более важных вещах.

Карл сделал попытку привлечь внимание официанта. Он был смущен и старался избегать глядеть на своего компаньона. Карл оглядел ресторан. Куда ни глянь — везде пастельные пятна дамских платьев, розовые и голубые. Над столами колыхались многоярусные шляпы, украшенные искусственными цветами. Несколько раз ему попались на глаза шарфы от Джеггера. Наконец появилась официантка. Карлу она была незнакома. Официантка была новая, но выглядела точно так же, как и ее предшественница. Усталая женщина лет тридцати пяти. Худое лицо, желтизну которого не могли скрыть пудра, румяна и помада. Мешки под глазами. Официантка была похожа на ворону. Длинный нос и кривые тощие ноги усиливали сходство. Кожа на носу была вся в угрях. Если судить по рукам, официантке можно было дать раза в два больше. Одна из рук протянулась и открыла блокнот, болтающийся на леске поверх потрепанной черной юбки. Другая рука извлекла карандаш и неуклюжим движением приставила его к бумаге, готовясь писать. Казалось, что у официантки не было сил даже водить карандашом по бумаге.

— Два чая, пожалуйста, — сказал Карл. Он постарался, чтобы голос его был преисполнен непринужденности и симпатии, а на лице появилось приятное выражение. Но официантка не обратила внимания ни на лицо, ни на голос.

— Благодарю вас, сэр.

Блокнот упал и повис на леске. Официантка не стала ничего записывать. Неуклюже, как мокрая ворона, она заковыляла в сторону кухни и широко распахнула дверь, будто готовясь войти во врата ада.

Карл ощущал, как длинные ноги нигерийца прижимаются к его собственным ногам. Он вежливо попытался освободиться, но не смог. Чернокожий, похоже, не замечал, что причиняет Карлу неудобство; наклонившись вперед, он утвердил локти на покрытом белой изящной скатертью столе и глядел прямо Карлу в глаза.

— Надеюсь, ты не думаешь, что я веду себя грубо, старина? — проговорил он.

— Грубо? — Карл опустил глаза.

— Мне думается, ты способен на большее, нежели водить по городу усталого и пресыщенного туриста.

— Да нет, что вы! — услышал Карл собственный голос. — Боюсь, я мало что знаю о Нигерии. Мне бы хотелось узнать побольше. Конечно, я следил за статьями Биэфрана в газетах (может быть, не стоило этого говорить?).

— Кстати, у вашего Альфреда были схожие проблемы с его «разбегающимися государственями».

— Пожалуй, — Карл имел самые смутные представления о том, кто такой был Альфред и что он сотворил.

Вернулась официантка, неся с собой мельхиоровый поднос, на котором стояли чайники и молочник, а также чашки, блюдца и тарелки. Все — из того же незразумного мельхиора. Она принялась размешивать приборы. Нигериец откинулся, продолжая улыбаться, глядя Карлу в глаза. Каждый раз, когда официантка что-то ставила перед Карлом, тот машинально бормотал: «Благодарю вас». Каждый раз, когда кто-то затрачивал на него, Карла, хоть толику своего труда, Карл реагировал этими жалкими звуками: «Благодарю вас». Это началось еще детства, после того как однажды мать дала ему понять, какого труда и денег ей стоит готовить для него пищу.

— Буду ли я матерью? — сказал Карл. И снова довольно-таки приятное чувство слабости охватило его.

Нигериец, казалось, не обратил внимания на эти слова. Он сидел, отвернувшись, снова целиком уйдя в какие-то свои потаенные мысли. Карл ви-

дел его красивый профиль. Очевидно, что-то в саду заинтересовало нигерийца. Карл повторил, на этот раз громче и настойчивее:

— Буду ли я?..

Нигериец сказал:

— Прекрасно.

И тут Карл осознал, что изо всех сил пытается понравиться своему компаньону. Пытается привлечь на себя все внимание чернокожего незнакомца. Карл чувствовал, что готов сделать все от него зависящее, только бы негр обратил на него свое благосклонное внимание. Он разлил чай, протянул чашку своему новому другу. Тот рассеянно принял ее.

— Мы не представились, — сказал Карл. Он прокашлялся. — Меня зовут Карл Глогауэр.

Внимание чернокожего снова сосредоточилось на Карле. Незнакомец смотрел ему прямо в глаза. Давление его ноги усилилось и стало уже нарочитым. Нигериец взял сахарницу и подал ее Карлу.

— Сахар?

— Благодарю, — Карл взял сахарницу.

— У тебя красивые руки, — сказал нигериец. — В самом деле, руки художника.

Коротким движением он коснулся пальцев Карла.

Карл хихикнул.

— Вы так думаете?

Странное ощущение снова наполнило все его существо. На этот раз ощущение прошло, будто волна, и можно было не сомневаться в источнике ее возникновения.

— Благодарю вас.

Он неожиданно улыбнулся. Обращать внимание на руки и делать вид, что читаешь линии на ладонях, был его стандартным способом подцеплять девочек.

— Ты умеешь читать по рукам?

Брови нигерийца сошлись. Он нахмурился.

— С чего это ты взял?

Карл почувствовал, что у него сжалось горло. Наконец он понял природу ловушки, но ему ничего не хотелось делать, дабы избежать ее.

Они ели сэндвичи в молчании. Карла больше не раздражало давление ноги чернокожего.

Наконец нигериец сказал:

— Пойдешь со мной?

— Да, — прошептал Карл.

Его начала бить дрожь.

КАК БЫ ВЫ ПОСТУПИЛИ?

Вы пассажир, находитесь в салоне самолета, который вот-вот разобьется. Самолет старый, винтовой, так что у вас есть возможность выпрыгнуть с парашютом. Вместе с другими пассажирами вы встаете в очередь и берете один из парашютов, который экипаж подает вам. Правда, возникает проблема: те, кто стояли впереди вас в очереди, уже выпрыгнули. Но у вас на руках четырехмесячный младенец, который слишком тяжел, чтобы поместить его под одежду. Поэтому вам надо держать младенца в руках. Однако же во время прыжка вам нужно, чтобы обе руки были свободны и вы могли:

а) дернуть за кольцо, чтобы раскрыть парашют;

б) направлять движение парашюта.

Ребенок плачет. Те пассажиры, что стоят за вами, напуганы. Кто-то полагает, что вы держите парашют, и подает вам ребенка. Даже если вы будете держать ребенка обеими руками и молиться, чтобы прыжок оказался удачным, все равно остается возможность, что он вырвется у вас из рук, когда вы прыгнете.

У вас остается несколько секунд на размышления, потом будет поздно.

(продолжение следует)

Перевод **Виктора Беньковского**.